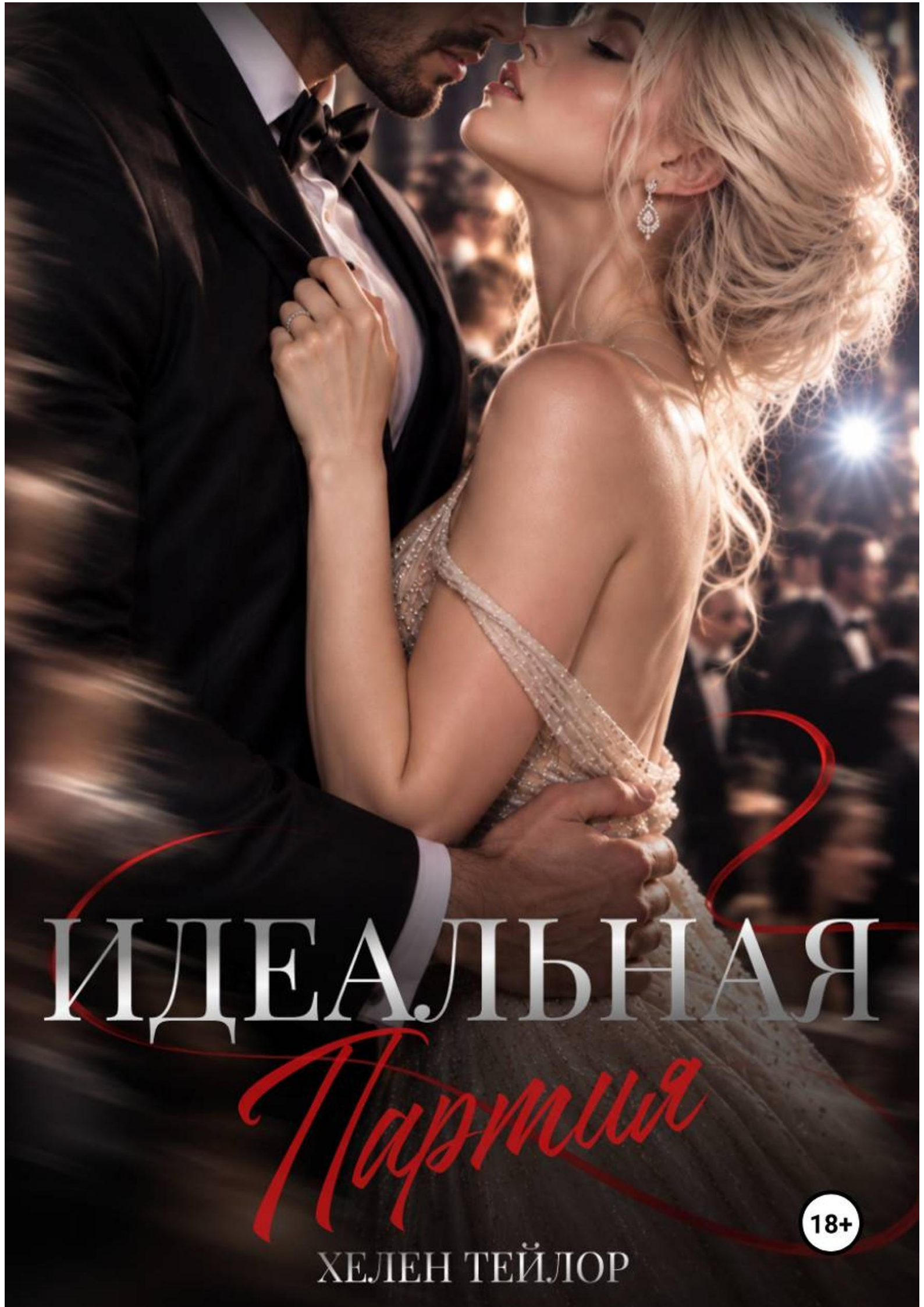

ИДЕАЛЬНАЯ *Партия*

ХЕЛЕН ТЕЙЛОР

18+

Хелен Тейлор

Идеальная партия

«Автор»

2026

Тейлор Х.

Идеальная партия / Х. Тейлор — «Автор», 2026

Герцог Эшборн ищет идеальную и правильную жену. Я ищу мужчину, которого смогу полюбить. Очевидно, друг другу мы не подходим. Жаль, что после одной фотографии весь Нью-Йорк решил иначе. Теперь весь высший свет уверен, что самый завидный холостяк Нью-Йорка положил на меня глаз. Потенциальные женихи обходят меня стороной, мама мысленно примеряет на меня герцогскую тиару, а сам Эшборн почему-то совершенно не торопится опровергать слухи. Поэтому у меня новый план. Я найду герцогу жену. Он перестанет отпугивать моих поклонников. Мы разойдёмся и больше никогда не увидимся. План практически идеальный. Если не считать одной маленькой проблемы: чем усерднее я пытаюсь найти ему другую женщину, тем меньше мне хочется видеть рядом с ним хоть одну из них.

© Тейлор Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Хелен Тейлор

Идеальная партия

Глава 1

Шарлотта.

За дверями играет оркестр, и каждые несколько минут одна из нас исчезает.

Сначала леди Мадлен Фэрфакс. Затем обе сестры Уэсли с разницей в четыре минуты. Теперь очередь Амелии, и чем меньше девушек остаётся в гостиной, тем отчётливее становится зловещее ощущение, что нас пригласили не на Бал Основателей, а привели словно овечек на заклание.

Амелия поправляет серьгу и ловит мой взгляд в отражении зеркала.

— Лотти, перестань так дышать. Ты словно марафон бежала.

Складываю губы трубочкой и медленно выталкиваю из себя воздух. Дыхание восстанавливается.

— Так лучше?

— Значительно. Теперь никто не подозревает, что ты в ужасе и на грани побега.

Смеяться нельзя.

По крайней мере, не так, чтобы услышала леди Бэнкрофт, которая следит за нами из противоположного конца гостиной и как хищная птица сузив глаза как бы напоминает, что Бал Основателей проводится сто восемьдесят семь лет и ни одна дебютантка за это время, вероятно, не позволяла себе ржать перед собственным представлением.

Опускаю взгляд на телефон.

До моего выхода девять минут.

Девять минут до того, как распахнутся двери и несколько сотен представителей Круга одновременно вспомнят о существовании средней дочери графа Хоторна.

— Тебе-то чего нервничать? — Амелия поворачивается ко мне лицом. — Уверена, отбоя от желающих получить твою руку и сердце не будет.

— Или от желающих подобраться к моему папочке.

— Не будь такой циничной.

— Это ты мне все уши прожужжала о том, сколько холостых и голодных до поиска идеальной партии наследников будет сегодня в зале.

— Я прагматична. Это другое.

Именно за это я и люблю Амелию.

Мы знакомы с четырнадцати, и за одиннадцать лет она ни разу не притворилась, что хочет от жизни чего-нибудь возвышеннее хорошего мужа и финансовой независимости. По мнению Амелии, любовь является приятным дополнением к браку. Примерно, как бассейн к загородному дому: прекрасно, если есть, но отказываться из-за его отсутствия от хорошей недвижимости глупо.

Я же придерживаюсь иного мнения.

— Леди Вестмор, готовьтесь.

Голос распорядителя заставляет подругу резко выпрямиться. Она вдруг перестаёт выглядеть девушкой, которая последние два часа утверждала, что совершенно не волнуется.

Протягиваю руку и поправляю едва заметно съехавшее бриллиантовое кольцо на её шее.

— Иди.

— А если я упаду на этих каблуках?

— Я буду первой, кто выложит в сеть видео твоего позора.

— Стерва.

— Всегда пожалуйста.

Она улыбается, подбирает юбку коктейльного платья и идёт к дверям. Через несколько секунд створки перед её лицом распахиваются.

Зал я вижу лишь частично: золото света, широкая лестница, чёрные смокинги, мерцающие гранями драгоценности, сотни лиц.

— Леди Амелия Вестмор, дочь графа и графини Вестмор.

Амелия выходит, двери закрываются, и я неспеша занимаю место подружки поближе к выходу.

Рядом со мной возвышается золочёная ваза с белыми пионами. В её выгнутом боку отражается девушка в платье цвета шампанского. Пшеничные волосы собраны выше затылка, на шее фамильные бриллианты Хоторнов, а подбородок высоко поднят — как и учила мама.

Я выгляжу готовой, но таковой не являюсь.

Мне двадцать пять, это мой первый Сезон, и где-то за этими дверьми, возможно, находится мужчина, за которого я выйду замуж.

По крайней мере, на это рассчитывает моя семья.

Предыдущие годы я совершенно сознательно обменяла на университет, путешествия и возможность понять, кем являюсь за пределами фамилии Хоторн.

Отец ворчал, а мама без конца напоминала, что Сезоны имеют неприятное свойство проходить. Я же обещала выйти в свет, когда буду готова.

Теперь отступать поздно.

И требования у меня, по мнению моей семьи, возмутительно завышены.

Мне не нужен самый богатый мужчина в Круге. Не нужен самый древний титул. Не нужна громкая фамилия супруга. Я хочу выйти замуж один раз. И хочу любить человека, рядом с которым проведу остаток своих дней.

Удивительно, насколько скандально звучит столь банальное желание, если добавить к нему несколько поколений фамильных денег.

Двери снова открываются.

— Леди Шарлотта Хоторн, готовьтесь.

Сердце делает один неприятный рывок, и я торможу себя, чтобы не последовать за ним и убраться подальше от этого места.

Отдаю телефон ожидающей у стены помощнице, разглаживаю ладонями юбку и направляюсь к свету.

— Леди Шарлотта Хоторн, средняя дочь графа и графини Хоторн!

Глава 2

Шарлотта.

Переступаю порог и впервые вижу Круг таким, каким его, вероятно, видят люди со стороны.

Он ослепляет.

Под потолком горят тысячи хрустальных подвесок. По стенам скользит тёплый свет, отражаясь в бокалах, драгоценностях и отполированном мраморе. Белые цветы поднимаются над столами, оркестр занимает галерею второго этажа, а по обе стороны от лестницы стоят люди, чьи фамилии висят на университетских корпусах, больницах, фондах и половине зданий Манхэттена.

И все они сейчас смотрят на меня.

Спускаюсь по лестнице, отыскивая взглядом отца. Он стоит рядом с мамой и улыбается той самой сдержанной улыбкой, которой обычно встречает удачно закрытую сделку. Я приподнимаю бровь, предупреждая без слов, и его улыбка становится шире.

Не смей продавать меня сегодня, папочка.

Разумеется, он не слышит. Но знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, о чём именно я думаю.

Ощущаю на себе десятки прожигающих взглядов. Некоторые задерживаются лишь из вежливости, другие изучают откровенно, без малейшей попытки скрыть интерес. Женщины смотрят на платье, украшения и, вероятно, мысленно сопоставляют меня со своими сыновьями, чтобы прикинуть, способна ли я составить для них достойную партию. Мужчины оценивают то, что обычно принято называть достоинствами девушки, когда хочется придать приличный вид совершенно неприличному процессу.

Что ж. Пусть смотрят. В конце концов, весь этот цирк создавался именно для этого.

Я чуть выше поднимаю подбородок и больше не встречаюсь взглядом ни с кем. Если уж я опоздала на собственный первый Сезон на несколько лет, войти в него следует с достоинством.

Амелию нахожу возле одной из мраморных колонн. Она уже успела обзавестись бокалом шампанского и теперь наблюдает за залом с таким сосредоточенным выражением, с каким её отец, должно быть, изучает квартальные отчёты.

— Ну? — Спрашивает она, когда я оказываюсь рядом.

— Что?

— Что дальше?

Оглядываюсь.

После торжественного представления дебютанток оркестр снова играет громче, по залу растекается гул разговоров, официанты скользят между гостями с серебряными подносами. В центре формируются пары для первого танца, но вокруг нас пока подозрительно свободно.

— Понятия не имею, — пожимаю плечами на вопросительный взгляд подруги.

— Чёрт. Мы должны просто стоять?

— Можем пройтись.

— Это будет выглядеть так, словно мы ищем мужчин.

— Тогда останемся здесь.

— А это будет выглядеть так, словно мы ждём мужчин.

Я усмехаюсь.

— Лично я не против позволить мужчинам хотя бы в первый вечер проявить немного инициативы.

— Смело.

— Я вообще рискованная женщина.

Амелия делает глоток шампанского и вдруг понижает голос:

— Ты в курсе, что Герцог Эшборн вернулся?

— Откуда ты знаешь?

— Скарлет вчера писала в своём блоге. Ты не видела?

Вот теперь я действительно жалею о нескольких принятых за последнюю неделю решениях.

— Я не читаю эту сплетницу, — ложь получается достаточно уверенной, чтобы Амелия даже не усомнилась.

На самом деле я читаю Скарлет, как и все остальные, кто потом с оскорблённым достоинством утверждает, что понятия не имеет, откуда берутся эти чёртовы бешеные просмотры.

Обычно я жду новых публикаций с куда большим нетерпением, чем готова признать, но неделю назад удалила канал. Решила, что перед первым Сезоном моим нервам будет полезнее не знать, кто с кем спит, чья помолвка доживает последние дни и какую дебютантку Скарлет уже успела похоронить заживо ещё до дебюта.

Очевидно, я просчиталась.

— И что она написала?

— Ты же не читаешь эту сплетницу, — прищуривается Амелия. — Герцога Эшборна заметили в городе несколько дней назад. В ресторане. Говорят, его буквально окружили женщины!

— Какое несчастье, — в притворной скорби поджимаю губы.

Амелия тихо смеётся, но взгляд её шерстит по залу.

— Интересно, какой он.

— А каким он может быть? — Я тоже машинально оглядываю мужчин вокруг. — Он герцог. Наверняка это раздутая напыщенная жаба, которую с рождения убеждали, что мир существует исключительно ради удобства его светлости.

— Шарлотта! Если он сейчас стоит у тебя за спиной, я от тебя отрекусь.

— Трусиха.

— Я планирую выйти замуж в этом Сезоне. Мне ещё нужна моя репутация.

— А мне нужно шампанское. Тебе принести ещё?

Она молча протягивает мне свой пустой бокал.

Оставляю Амелию возле колонны и направляюсь через зал. До ближайшего официанта всего несколько метров, но тот исчезает в толпе прежде, чем я успеваю его перехватить, и приходится идти к бару в противоположный конец.

Это оказывается ошибкой.

Путь пролегает мимо группы мужчин, расположившихся возле высоких окон. Я узнаю не всех. Кто-то из Бомонтов, старший сын барона Кенсингтона и ещё двое, чьи лица регулярно появляются на фотографиях с благотворительных вечеров. В руках у них виски, на лицах та расслабленная уверенность, которая появляется у людей, привыкших говорить всё, что думают, потому что последствия обычно наступают для кого-нибудь другого.

— ...если собираешься жениться, выбирать надо сейчас, — доносится до меня. — Через пару дней лучших уже разберут.

Замедляю шаг далеко не из любопытства. Просто передо мной неожиданно возникает пожилая пара, и обгонять их будет верхом дурных манер.

— Какая трагедия, — отвечает другой голос. Низкий, ленивый и настолько равнодушный, что я невольно поворачиваю голову. — Боюсь не успеть к распродаже.

Мужчины смеются.

Тот, кому принадлежит голос, стоит ко мне вполборота.

Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем чёрном смокинге. Тёмные волосы тщательно уложены, одна рука спрятана в карман брюк, в другой бокал, которого он почти не касается, когда подносит тот к губам.

Лица отсюда толком не разглядеть, но вся его поза выражает такое спокойное превосходство над происходящим, что неприязнь возникает раньше знакомства.

— Так чего ты же хочешь? — спрашивает кто-то.

— От жены? — Мужчина задумчиво проводит большим пальцем по краю бокала. — Она должна быть достаточно умна, чтобы понимать, чего требует её положение. Но в меру. Желательно красива. Не склонна устраивать публичные сцены, не принимает каждое решение мужа как личное оскорбление и не считает брак бесконечным обсуждением чувств.

— Очень романтично.

— Я не ищу романтики.

— А что тогда?

Мужчина наконец делает глоток.

— Надёжность. Здравый смысл. Верность. И абсолютная преданность мне.

Нет, Лотти, это не твой звёздный час.

Я честно пытаюсь пройти дальше, делаю даже целый шаг, но всё же останавливаюсь. Зажмурившись на мгновение и шепнув под нос проклятие, всё же врезаюсь в круг мужчин.

— Прошу прощения.

Разговор обрывается. Пять мужских лиц одновременно поворачиваются ко мне, но смотрю я только на одного.

Теперь я вижу его полностью, и он раздражает меня ещё сильнее, чем пару секунд назад. Потому что природа могла хотя бы немного восстановить справедливость и наградить подобного человека внешностью опоссума.

Вместо этого передо мной оказывается мужчина лет тридцати с небольшим с резкими правильными чертами лица, тёмными глазами и той неприятной разновидностью привлекательности, которая не требует коррективов. Особенно раздражают его губы. Хорошо очерченные, сейчас едва заметно изогнутые, как если бы моё появление его забавляло.

— Я не смогла пройти мимо. Услышала вашу пламенную речь и стало любопытно. Вы ищете жену или собаку?

Глава 3

Шарлотта.

Кто-то рядом давится виски.

Бровь мужчины медленно поднимается.

— Простите?

— Собаку. Хотя теперь я думаю, что несправедлива к собакам.

За его спиной кто-то кашляет. Подозреваю, пряча смех.

Мужчина ставит бокал на высокий столик.

— А вы всегда вмешиваетесь в разговоры незнакомых людей?

— Только когда незнакомые люди обсуждают женщин как товар с перечнем необходимых характеристик.

— Я обсуждал собственную будущую жену.

— Вот именно это меня и насторожило.

— Какое счастье, что моё семейное положение оказалось под вашей защитой.

— Кто-то же должен был вмешаться.

— И вы решили пожертвовать собой?

— О, я бываю крайне великодушна.

Теперь он улыбается. И мне отчего-то хочется немедленно стереть эту дурацкую улыбку с его лица.

— В таком случае, возможно, вы объясните, какая часть моих требований вызвала у вас столь сильное возмущение.

— Всё ваше требование целиком. Оно просто возмутительно.

— Любопытно. Но боюсь, вы не слышали всего разговора.

— Услышанного оказалось достаточно.

— Удивительная способность делать выводы на основании не полной информации.

— Благодарю.

— Это не был комплимент.

— Тогда вам следует поработать над интонацией.

Улыбка исчезает с лица нахала.

— Позвольте предположить, что вы впервые участвуете в Сезоне.

— Позвольте предположить, что вам слишком часто позволяли предполагать вслух.

Его взгляд медленно скользит по моему лицу.

— Я прав.

— Поздравляю. Ваш вечер уже не прошёл напрасно.

— И вы намерены выйти замуж по любви.

— А вот это уже не ваше дело, — делаю шаг вперёд, но тут же отступаю.

— Значит, я снова прав.

— Может быть следует представить вас к ордену?

— Мне достаточно титула.

Закатываю глаза.

Вот же самодовольная сволочь.

Незнакомец смотрит на меня ещё несколько секунд, и теперь в его глазах уже нет прежнего ленивого развлечения. Кажется, мы совершенно искренне друг другу не нравимся.

— Вы совершенно ничего обо мне не знаете, — произносит он с нажимом.

— Я уже знаю больше, чем хотела. Поэтому не утруждайте себя дальнейшими объяснениями, лорд...

Вопросительно замолкаю.

— Герцог, — он выдерживает паузу. — Дэмиан Эшборн. Герцог Эшборн, к вашим услугам, леди Хоторн.

Шокировано моргаю, оттягивая время и подыскивая подходящие слова.

Раздутая напыщенная жаба, которую я только что обсуждала с Амелией, сама прыгнула в мои руки.

Герцог Эшборн.

Вот же дерьмо...

— Очень приятно было познакомиться, ваша светлость, — выталкиваю из себя формальную вежливость, хотя уверена, что выражение моего лица говорит об обратном.

— Сомневаюсь.

— Здесь мы снова согласны.

Разворачиваюсь, чтобы улизнуть.

— Леди Хоторн! Я не закончил разговор с вами! — Летит мне в спину.

Ускоряюсь.

Толпа оказывается удивительно полезной, когда пытаешься скрыться от герцога, которому только что сообщила, что его требования к будущей жене больше подходят собаке. Я лавирую между гостями, едва не сталкиваюсь с официантом, минуя Амелию, которая успевает лишь удивлённо посмотреть мне вслед, и замечаю распахнутые двери на балкон.

Спасение.

Ночной воздух ударяет в лицо прохладой.

Выхожу наружу и только там позволяю себе остановиться.

— Блестяще, Шарлотта... — шепчу самой себе.

Внизу сияет Манхэттен. Огни уходят вдаль между тёмными громадами зданий, по улицам движутся белые и красные точки машин, а где-то далеко над крышами висит светящийся шпиль. Упираюсь ладонями в каменную балюстраду и делаю глубокий вдох.

Первый вечер.

Первый, мать его, час первого Сезона, а я уже нахамила герцогу Эшборну.

Мама будет просто в восторге! Хотя папа, возможно, даже оценит всю иронию ситуации и посмеётся. И после этого, в конечном счёте, мы оба получим от мамы.

— Вы быстро ходите, леди Хоторн.

Медленно оборачиваюсь, с подозрением глядя на то, как Эшборн закрывает за собой дверь на балкон.

— Вы преследуете всех женщин, которые с вами не согласны?

— Только тех, которые сначала вмешиваются в мой разговор, оскорбляют меня, а затем уходят, не позволив ответить.

— Я позволила вам ответить. Вы не воспользовались этой возможностью.

— Вы перебивали.

— Потому что вы говорили глупости.

Он подходит ближе.

— Я привык, что со мной считаются.

— Вот оно что. Наконец-то мы добрались до вашего диагноза.

Его челюсть едва заметно напрягается.

— Вы невероятно дерзкая женщина, Леди Хоторн.

— А вы невероятно самоуверенный мужчина. Видите, как много мы успели узнать друг о друге.

— И всё же вы продолжаете ошибаться.

— В чём именно?

— Вы решили, что знаете, почему мне нужна именно такая жена.

— Мне совершенно нет дела до ваших мотивов, — отталкиваюсь от балюстрады. — А теперь, если ваша светлость закончил...

— Не закончил.

— Увы...

— Вы всегда убегаете, когда разговор перестаёт складываться в вашу пользу?

— Я не убегаяю.

— Разумеется. Вы просто чрезвычайно быстро перемещаетесь в противоположную от собеседника сторону.

Мне совершенно не нравится, что уголок его губ снова приподнимается.

И ещё меньше мне нравится, что на этот раз мне приходится приложить усилие, чтобы не улыбнуться в ответ.

Нет.

Мы закончили.

— Доброй ночи, герцог Эшборн.

— Бал только начался.

— Тогда желаю вам прекрасно провести его в поисках умеренно умной, достаточно красивой и безусловно преданной женщины. Надеюсь, вы найдёте ту, которая умеет приносить тапочки.

— Леди Хоторн!

— Возможно, даже мячик.

— Осторожно!

Каблук попадает на край каменной плиты. Лодыжка подворачивается, опора исчезает так внезапно, что я даже не успеваю выставить руку.

— Чёрт! — Только и успеваю выкрикнуть, ожидая падения.

Но падения не происходит, потому что Дэмиан оказывается рядом раньше. Одна его рука обхватывает меня за талию, вторая перехватывает выше локтя, и через мгновение я оказываюсь прижата к его груди настолько плотно, что между нами не остаётся пространства даже для того, чтобы сделать глоток воздуха.

Перестаю дышать.

Он тоже не двигается.

Ладонь на моей талии обжигает даже сквозь ткань платья. Пальцы сжимаются чуть сильнее, удерживая меня, и я машинально цепляюсь за лацканы его смокинга.

Наши лица оказываются слишком близко.

Совсем недавно мне казалось, что у него тёмные глаза. Теперь я вижу тонкий светлый ободок вокруг зрачков.

Его взгляд опускается к моим губам.

Мой, копируя этот жест, делает то же самое.

Никто из нас не произносит ни слова. Дыхание Дэмиана касается моего лица. Ещё несколько сантиметров, и...

Дверь на балкон распаивается. Я резко поворачиваю голову.

Вспышка ослепляет нас обоих.

Глава 4

Шарлотта.

— Ни одного, — сообщает мама вместо приветствия, едва я появляюсь в столовой утром. Замираю на пороге, пытаюсь понять, относится ли это заявление ко мне или она продолжает какой-то разговор, начатый задолго до моего появления.

Мама, в шёлковом халате цвета слоновой кости, восседает во главе стола, накрытого к завтраку. Её волосы уже идеально уложены, а в пальцах зажат телефон. Перед ней остывает кофе, к которому она почти не притронулась. Отец устроился напротив с планшетом и выглядит подозрительно спокойным для человека, находящегося в эпицентре надвигающейся семейной катастрофы.

— Доброго утра и тебе, мама.

— Ни одного букета, Шарлотта! А ведь уже девять семнадцать, — мама с укором косится на консоль, которую вчера велела освободить и тщательно наполировать, чтобы складывать на неё трофеи в мою честь.

Прохожу к своему месту и наливаю кофе из серебряного кофейника, который оставили для меня рядом с корзинкой ещё тёплой выпечки. После вчерашнего шампанского и нескольких часов сна кофе интересует меня значительно больше цветов от мужчин. Желательно внутренне.

— Возможно, они ещё спят. Уверена, даже потенциальным мужьям иногда это разрешается.

— У Амелии уже четыре букета!

Кофейник висит над чашкой. Не потому, что четыре букета Амелии ранят моё самолюбие, а потому, что куда интереснее другое.

— Мама, откуда ты вообще всё это знаешь?

— Элизабет написала мне в семь сорок, — мама бросает на меня взгляд с лёгким недоумением. — Один из букетов от младшего Бомонта, между прочим.

Конечно...

Где-то под Манхэттенном наверняка существует тайный штаб матерей Круга, куда ещё до рассвета стекаются сведения о доставленных цветах, приглашениях, удачных танцах и неосторожных взглядах. Вчера двенадцать девушек официально представили обществу, а сегодня наши матери уже ведут первый турнирный протокол.

— Если тебе интересно моё мнение, то четыре букета до восьми утра звучат не как ухаживание, а как организованное преследование.

— Ты можешь сколько угодно смеяться, но после первого бала отсутствие внимания выглядит странно, ведь вчера на тебя смотрела половина зала!

— Может быть это была самая скромная половина?

Отец тихо усмехается, не отрываясь от планшета, и мама бросает на него предупреждающий взгляд. Судя по всему, он уже понял, что сегодняшнее утро лучше провести в качестве мебели: присутствовать, потреблять завтрак и ни при каких обстоятельствах не становиться участником дискуссии.

— Я просто не понимаю, — продолжает мама, — почему до сих пор ничего нет.

— Может быть, я никому не понравилась?

— Не говори глупостей.

Утешение в исполнении Кэтрин Хоторн всегда отличалось завидной категоричностью.

Я успеваю сделать первый глоток кофе, когда телефон возле тарелки коротко вибрирует. На экране появляется имя Амелии и сообщение, написанное заглавными буквами.

Амелия: ТЫ НИЧЕГО НЕ ХОЧЕШЬ МНЕ СКАЗАТЬ???

Уголки губ сами ползут вверх. Мои пальцы шустро бегают по клавишам.

Шарлотта: О твоих четырёх букетах? Мама уже доложила. Поздравляю.

Амелия: К ЧЁРТУ БУКЕТЫ. Я ПРО ЭШБОРНА.

Амелия: ПРО ГЕРЦОГА, МАТЬ ТВОЮ, ЭШБОРНА, ЛОТТИ!

Следом Амелия присылает скриншот, и сон окончательно покидает голову.

Это пост из канала местной анонимной сплетницы Скарлет.

Под заголовком размещена фотография с балкона, сделанная ровно в тот злополучный момент, когда я упала в руки герцога словно созревшее яблоко.

Дэмиан удерживает меня за талию, моя ладонь лежит на лацкане его смокинга, а между нашими лицами настолько мало пространства, что даже человек с минимально развитым воображением без труда дорисует то, чего в действительности не произошло.

Вчера я видела только вспышку. Сегодня впервые вижу то, что увидел человек по другую сторону камеры.

И это, очевидно, паршиво...

Точнее, выглядит как раз слишком хорошо.

Открываю публикацию целиком.

SPOTTED THE FOUNDERS BALL 23:47

Ещё вчера герцог Эшборн уверял моих источников, что подходит к вопросу брака исключительно рационально: надёжность, здравый смысл, безупречная репутация и никаких лишних чувств.

Но уже сегодня он уединяется с дебютанткой леди Шарлоттой Хоторн.

Они находятся в некотором отдалении от балльного зала и в значительно меньшем отдалении друг от друга.

Не стану делать поспешных выводов.

В конце концов, его светлость всего лишь держит леди Шарлотту за талию, она всего лишь висит на герцоге, а расстояние между ними совершенно приличное, если измерять его в микронах.

Если кто-то из джентльменов собирался завтра утром отправить цветы в дом Хоторнов, возможно, имеет смысл сначала посмотреть на фотографию ещё раз.

Иногда один снимок избавляет мужчину от очень неловкого соперничества. Не всем дано тягаться с герцогами...

Как приятно, когда Сезон начинается со скандала.

S.

— Вот стерва, — вырывается у меня резкое.

— Шарлотта! Что за выражения, ещё и за завтраком? — Тут же делает замечание мама.

Оба родителя смотрят на меня с нескрываемым интересом. Отец даже откладывает планшет, а в глазах матери вместо прежнего раздражения появляется такой живой интерес, что я машинально прижимаю телефон к груди.

— Что случилось? — Спрашивает она.

— Ничего.

— Судя по твоему лицу, это весьма выразительное ничего. Покажи!

— Поверь, ты ничего не потеряешь, если не увидишь этого.

— Шарлотта, дай мне телефон.

Спорить с этой интонацией бесполезно с тех пор, поэтому нехотя протягиваю телефон через стол. Мама открывает фотографию и, к моему ужасу, разводит по экрану два пальца, увеличивая нас с Дэмианом до неприличных размеров. Несколько секунд она рассматривает снимок молча, потом увеличивает ещё немного, и я окончательно теряю терпение.

— Ну, что скажешь?

— Люди наверняка подумают, что у тебя что-то с герцогом. Ох! — Глаза мамы становятся круглыми как монеты. — Шарлотта, так у тебя что-то с герцогом?

— Что?! — Едва не давлюсь кофе. — Нет, мам, мы... мы не пара!

— Пока.

— Даже не начинай.

— Я и не начинала. Я просто рада за тебя.

Забираю телефон раньше, чем она успеет мысленно подобрать цвет скатертей на нашу свадьбу.

— Радоваться нечему. Между мной и герцогом Эшборном ничего нет, никогда не было и после вчерашнего вечера не предвидится.

— Совсем ничего?

— Абсолютно!

Мама снова тянется к телефону, но на этот раз я предусмотрительно отодвигаю его подальше. Её взгляд задерживается на снимке, и уголки губ снова предательски поднимаются.

— По фотографии не скажешь...

— Потому что фотография поймала лишь одну секунду! И та случилась по недоразумению.

— Именно, дорогая. Но именно эту секунду увидел весь Круг.

В её голосе что-то меняется. Исчезает довольство матери, которой внезапно привалил потенциальный зять с герцогским титулом, и появляется спокойная уверенность женщины, прожившей внутри этого общества всю жизнь.

— Какая разница, что получил Круг? Ведь мы с герцогом оба знаем, что ничего не произошло.

— Но вас застали вдвоём, Шарлотта, и никто, кроме вас двоих, не знает, что произошло до этой фотографии. Поэтому сейчас совершенно неважно, что Дэммиан Эшборн на самом деле о тебе думает.

— В каком смысле неважно?

— В самом буквальном. Эшборн вернулся в Нью-Йорк перед началом Сезона, и всё это время ходят разговоры о том, что он намерен жениться. Вчера он появляется на Балу Основателей, где его фотографируют на балконе с одной из дебютанток в весьма недвусмысленной ситуации. Какой вывод, по-твоему, должны сделать люди?

— Что у меня отвратительные туфли и плохой вестибулярный аппарат?

— Что герцог положил на тебя глаз, дорогая!

— Но он не положил.

— Да?

Она выразительно смотрит на экран моего телефона, и мне приходится подавить желание перевернуть его фотографией вниз.

— Господи, да какая разница? Это всего лишь фото в блоге сплетницы!

Мама переводит взгляд на отца. Тот снова отчаянно мимикрирует под предмет интерьера.

— Послушай, Шарлотта, — наконец говорит она. — Общество увидело тебя в объятиях Эшборна. И это объясняет, почему у нас нет ни одного букета. Никто не хочет ухаживать за женщиной, которой уже заинтересовался герцог.

— Если я действительно понравилась, почему нет?

— Потому что мужчины гораздо тщеславнее, чем тебе кажется. Ни один мужчина не станет сознательно ставить себя в положение проигравшего, особенно когда соперником оказывается человек богаче, влиятельнее и выше титулом.

— Я не приз на аукционе, чтобы меня выигрывать.

— Разумеется, нет. Именно поэтому никто не собирается отнимать у тебя право выбора. Они просто подождут, пока всё станет понятно, или пока кто-то из вас не выступит с подтверждением или опровержением.

Последняя фраза наконец пробивает раздражение и заставляет меня посмотреть через открытую дверь на длинную консоль.

И эта пустота начинает меня беспокоить.

— Вчера ты привлекла внимание герцога Эшборна, и остальные мужчины разумно решили посмотреть, что будет дальше.

— Я не привлекла его внимание, мам. Я его... — роняю взгляд на сцепленные на коленях пальцы, — я его оскорбила.

Отец отрывается от планшета.

— Это объясняет выражение его лица на фотографии.

— Папа, пожалуйста...

Делаю глоток кофе.

Значит, мне нужно, чтобы герцог публично сказал, что между нами ничего нет?

Это можно устроить. Готова поспорить он, как и я, не в восторге от того, во что вылился тот нелепый разговор на балконе. И не меньше меня горит желанием всё исправить.

Да, решено!

Подскакиваю из-за стола.

— Шарлотта! — Ахает мама от неожиданности. — Куда ты собралась? Ты ещё не позавтракала!

— Не сейчас! Мне нужно срочно бежать!

— Не дождёшься брата с сестрой?

— Встретимся за обедом!

Вылетаю из столовой.

Глава 5

Шарлотта.

Уже через час я сворачиваю на улицу, где расположена городская резиденция Эшборна.

Утренний Манхэттен мелькает за стеклом жёлтыми такси и людьми с бумажными стаканчиками. Возле кофейни на углу мужчина в дорогом костюме одной рукой удерживает поводки двух крошечных собак, а другой пытается забрать свой заказ. Велосипедист проскакивает между машинами под возмущённый гудок, парень торопливо целует спутницу у входа в метро. Завидую. Эти двое могут целоваться посреди улицы, и это не влечёт за собой скандал.

Машина останавливается у светлого таунхауса с фасадом из коричневого песчаника, с высокими окнами и широкой тёмной дверью. Несколько ступеней, чёрные кованые перила, два аккуратно подстриженных деревца по сторонам от входа.

Прошу водителя подождать и поднимаюсь по ступеням, на ходу перебирая первые формулировки. Стоит начать спокойно: в конце концов, мы оба оказались в нелепом положении и наверняка заинтересованы в том, чтобы поскорее из него выбраться. Если герцог способен хотя бы десять минут разговаривать без насмешек, мы управимся быстро.

— Леди Хоторн, — представляюсь я мужчине, открывшему дверь. — Мне необходимо поговорить с его светлостью.

— Его светлость вас ожидает?

— После сегодняшней публикации должен бы.

Мужчина оставляет моё замечание без ответа, но от двери отступает. Пока он отправляется докладывать обо мне, я остаюсь в холле и разглядываю широкую лестницу, светлый камень под ногами и картину над консолью. На картине несколько чёрных полос пересекают белое полотно. Судя по характеру хозяина, полосы изображают чужие надежды.

Достаю телефон и снова открываю канал Скарлет. За время дороги под фотографией прибавилось несколько сотен сердечек и комментариев. Люди, не имеющие ни малейшего представления о том, что произошло на балконе, умиляются тому, как герцог смотрит на меня.

И одна лишь я в курсе, что его взгляд в тот момент обещал мне исключительно неприятности.

— Его светлость на террасе. Прошу за мной.

Убираю телефон в сумку и иду следом, стараясь не выдавать облегчения. По дороге сюда я успела представить и отказ, и унижительное ожидание, и необходимость караулить Эшборна возле машины. Возможность сразу высказать ему всё, что думаю, даже немного улучшает моё настроение.

Ровно до того момента, когда я вижу его.

Герцог сидит за столом у раскрытых стеклянных дверей, вытянув длинные ноги. Из одежды на нём тёмные брюки и... и всё. На столе — кофейник, чашка, планшет и тарелка с сэндвичами.

При моём появлении Эшборн даже не пытается встать, как положено джентльмену. Хотя о чём это я...

— Леди Хоторн. Какое деятельное утро.

— Вы видели публикацию?

Он откусывает сэндвич, прежде чем перевести на меня взгляд. Я вынуждена стоять и ждать, пока он прожует, и это, пожалуй, самое оскорбительное из всего, что случилось со мной за последние двенадцать часов.

— Доброе утро, ваша светлость, — произносит он наконец с некоторым недовольством.

— Простите, что без приглашения. Надеюсь, я вас не отвлекаю.

— Если бы вы ответили на сообщение, мне не пришлось бы приезжать.

- Я ещё не брал в руки телефон.
- Зато успели открыть планшет.
- Именно поэтому и не брал телефон.

Он говорит это без малейшей насмешки, что бесит ещё сильнее. Усаживаюсь на стул напротив, не дожидаясь приглашения. Эшборн провожает движение коротким взглядом и пододвигает свою чашку подальше от моей руки..

- Как предусмотрительно, — замечаю я. — Бойтесь, что я случайно её опрокину?
- После такого вступления я бы не рассчитывал на случайность. Кофе хотите?
- Я хочу, чтобы вы посмотрели на это.

Открыв фотографию, кладу телефон перед ним. Он опускает глаза к экрану, затем берёт с тарелки упавший кусочек помидора и возвращает его в сэндвич. Несколько секунд я наблюдаю за этой операцией с таким вниманием, какого она, безусловно, не заслуживает.

- И что именно вас беспокоит? — спрашивает Эшборн.
- Подпись. Хотя, если быть до конца честной, ваша рука на моей талии тоже.

На снимке его ладонь лежит у меня на талии. Моя голова запрокинута, губы приоткрыты, а сам он склонился достаточно низко, чтобы со стороны всё выглядело ровно так, как и решила Скарлет. Я прекрасно помню, что говорила ему в эту секунду, и с удовольствием приложила бы к фотографии расшифровку.

- Без моей руки вы бы упали, — напоминает герцог.
- Теперь начинаю сомневаться, что это был худший вариант.
- В следующий раз предоставляю вам возможность сравнить.

Он отодвигает телефон обратно, и я накрываю его ладонью, не давая экрану погаснуть.

- Вы прочитали, что она написала? По её мнению, между нами закрутился роман!
- У этой сплетницы богатое воображение.
- А у её читателей нет привычки им пользоваться. Они верят всему, что она публикует.

Эшборн берёт чашку и делает глоток. За его спиной в небольшом саду шелестят листья, журчит вода в маленьком фонтанчике, обвитом плющом, щебечут птицы, и вся эта утренняя безмятежность просто существует, пока моя жизнь с самого завтрака летит под откос.

- Сегодня мне не прислали ни одного букета, — сообщаю я.

Чашка замирает возле его губ. Впервые с моего появления герцог выглядит по-настоящему заинтересованным.

- И вы решили проверить, не привезли ли их по ошибке ко мне?
- Я решила объяснить вам масштаб последствий!
- Пока я вижу лишь некоторые неудобства для вашего флориста.

Выпрямляюсь на стуле и сцепляю руки на коленях. Если не держать их вместе, можно действительно совершить что-нибудь незаконное, потому что самодовольный герцог раздражает меня до трясучки. А мне необходимо получить опровержение, прежде чем меня выведут отсюда под локти.

— Герцог, поймите, если и были на вчерашнем балу мужчины, которые собирались продолжить знакомство, то сейчас они все отступили. Моя мать уже решила, что мы с вами скрывали отношения, и, полагаю, прямо сейчас размышляет, кого пригласить на семейный ужин.

- Передайте, что четверг у меня занят.
- Вас не будет и во все остальные дни.
- Тогда зачем вы пугаете меня своей мамой?

Высверливаю в бестолковой черепашке герцога дыру, но Эшборн спокойно выдерживает мой взгляд. Уголок его рта едва заметно поднимается. Ему весело, и это окончательно избавляет меня от желания соблюдать приличия.

— Послушайте, ваша светлость. Я понимаю, что для вас очередная женщина в светской хронике — событие примерно той же важности, что и смена скатерти. Но для меня это первый сезон, и я не собираюсь проводить его в роли вашей предполагаемой любовницы.

Улыбка Эшборна становится шире.

— Скарлет написала «избранница». Остальное вы добавили сами.

Щёки обдаёт жаром. Я прекрасно знаю, что он без труда это замечает, и потому заставляю себя говорить ещё спокойнее:

— Вы выступите с опровержением. Объясните, что на балконе произошло недоразумение, а мы с вами едва знакомы.

Глава 6

Шарлотта.

Эшборн не отвечает. Смотрит на мой телефон, потом переводит взгляд на свой, лежащий возле планшета, и вдруг усмехается с таким неподдельным удовольствием, что мои внутренности скручиваются в морской узел.

— Что вас развеселило?

— Я, кажется, наконец-то выяснил причину сегодняшней тишины.

Он берёт свой телефон и несколько раз проводит пальцем по экрану. Я жду, наблюдая за размеренными и неторопливыми движениями, хотя с каждой секундой всё сильнее хочется выдернуть гаджет у него из рук. В конце концов, я приехала сюда не для того, чтобы наблюдать, как его светлость разбирает утреннюю почту.

— За последнюю неделю мне прислали больше тридцати приглашений на ужин, — сообщает он. — Около десятка — на обед. Было даже пара предложений разделить завтрак в постели. А одна весьма настойчивая графиня предложила показать мне коллекцию живописи, хотя мы оба прекрасно знаем, что показывать она собиралась дочь.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Самое непосредственное, как выяснилось. Сегодня мне не пришло ни одного приглашения.

Он кладёт телефон на стол экраном вниз, и я смотрю на него с растущим недоверием.

— Вы расстроены? Уверена, стоит вам дать опровержение, как графиня снова вспомнит об искусстве.

— Я прекрасно себя чувствую, Шарлотта. Впервые с возвращения в город мне позволяют спокойно позавтракать.

— Вы объявили, что ищете жену. Чего вы ожидали?

— Возможности выбирать её самостоятельно. Желательно без участия всех нью-йоркских матерей.

— Тогда вам следовало держать свои намерения при себе.

— Учту, когда соберусь жениться в следующий раз.

Он снова берёт свой сэндвич, и мой взгляд невольно опускается к его руке. Большая ладонь, длинные пальцы, часы на запястье. Вчера эти пальцы с такой уверенностью сомкнулись у меня на талии, что я не сразу сообразила потребовать их убрать. Сегодня он с той же уверенностью держит хлеб с индейкой, пока объясняет, почему моя репутация его не касается.

— Так вы поэтому не хотите ничего опровергать?

— До вашего приезда я вообще об этом не задумывался.

— А теперь?

— Теперь у меня появилась веская причина оставить всё как есть.

Он произносит это спокойно, почти любезно. Ни попытки смягчить ответ, ни хотя бы вежливого сожаления о том, что обстоятельства сложились столь неудачно. Я оказываюсь полезной — и, судя по всему, этого достаточно, чтобы перестать интересоваться моим мнением.

— То есть женщины перестали вас преследовать, потому что решили, будто вы выбрали меня.

— Поразительно быстро, не находите? Вчера вечером я ещё не мог пересечь зал, чтобы меня с кем-нибудь не познакомили.

— Вы говорите так, словно я оказала вам услугу.

— Судя по всему, именно это вы и сделали.

Откидываюсь на спинку стула, чтобы увеличить между нами с герцогом дистанцию. Серьёзно переживаю, что ещё мгновение, и я сомкну свои пальцы на шее Эшборна.

— Рада, что вам стало легче, ваша светлость, но давайте теперь вернёмся к той части разговора, где из-за этого снимка страдаю я.

— Вы всё ещё о цветах? Скажите, сколько букетов вам необходимо для счастья, и через час они будут доставлены по вашему адресу.

— Я о мужчинах, которые не станут ухаживать за женщиной, если считают её занятой!

Не знаю, как ещё ему объяснить, насколько это важно для меня. Пытаюсь найти иное объяснение его словам. Ведь не может взрослый человек всерьёз полагать, что имеет право распоряжаться чужой жизнью ради возможности допить утренний кофе.

Не может же?

Впрочем, передо мной герцог. Вполне возможно, именно с этого заблуждения и начинается его воспитание.

— Шарлотта, вы ведь не рассчитываете, что я стану изображать огорчение? Неделю на меня велась настоящая охота. Сегодня она прекратилась. Было бы глупо собственноручно возобновлять её к обеду.

— А я, по-вашему, должна сидеть дома и ждать, пока вы отдохнёте от женского внимания?

— Почему непременно дома? Уверен, вас по-прежнему будут всюду приглашать.

— В качестве вашей предполагаемой невесты!

Он слегка приподнимает брови.

— Вы произносите это с такой неприязнью, что я начинаю сомневаться в лестных отзывах обо мне.

— Не стоит сомневаться, лестные отзывы действительно враньё!

Эшборн смеётся негромко, с явным удовольствием, а я резко встаю.

— Почему вы со мной играете? Я не просила хватать меня на балконе. Не просила втягивать в ваши поиски жены и уж точно не предлагала прикрывать вас от чужих матерей. Всё, чего я хочу, — чтобы вы сказали правду.

— Я услышал вас с первого раза.

— Но отказываетесь.

— Как видите, мы прекрасно понимаем друг друга.

Я обхожу стол и останавливаюсь рядом с ним. Он вынужден поднять голову, и это ничтожное преимущество помогает мне не сорваться на крик.

— Послушайте меня внимательно. Для вас это удобное недоразумение. А мне придётся объясняться с родителями, выслушивать вопросы, смотреть, как мужчины, с которыми я могла бы познакомиться, выбирают других женщин. Вы будете спокойно искать себе жену, пока я потеряю целый сезон! Ваше бездействие разрушит мою жизнь!

Эшборн откусывает сэндвич.

Я замолкаю, глядя на него сверху вниз, и в наступившей тишине отчётливо слышу, как хрустит поджаренный хлеб. Он не торопится. Тщательно прожёвывает, кладёт оставшийся кусок на тарелку и лишь после этого отвечает:

— Шарлотта, ваша разрушенная жизнь волнует меня даже меньше, чем мой неоконченный завтрак. И если ради спокойствия собственной жизни мне придётся немного испортить вашу, так тому и быть.

Щёки вспыхивают, кожа под блузкой горит.

Несмотря на всю омерзительность герцога, я была уверена в одном — ни ему, ни мне не нужны эти слухи.

А он сидит передо мной и объясняет, что я вполне приемлемая плата за его спокойное утро.

— Вы редкостный мерзавец, герцог!

Он отодвигает стул и встаёт. Теперь мне приходится поднять подбородок, чтобы продолжать смотреть ему в лицо.

— На этом, полагаю, мы закончили, Леди Хоторн. У меня важная встреча.

Эшборн делает шаг к двери, как если бы я уже поблагодарила за гостеприимство и попрощалась. Я оказываюсь перед ним прежде, чем успеваю решить, что собираюсь делать дальше.

— Нет, мы не закончили.

— Вы изложили просьбу, я на неё ответил. Дальнейший разговор вряд ли доставит вам удовольствие.

— А вам доставляет?

— Некоторые его части были довольно занимательны, — он опускает взгляд к моему лицу. Вблизи особенно хорошо видно, что ни одна мышца его тела не напряжена. Даже сейчас, когда я почти упираюсь в него, Эшборн совершенно спокоен.

Не контролируя себя от злости, толкаю его ладонью в грудь.

Получается резко, некрасиво. Это совсем не подобает воспитанной леди, но в эту секунду мне наплевать на всё, чему меня учили. Под рукой оказывается твёрдое тепло, а сам Эшборн даже не отступает.

С вызовом вздёрнув бровь, он смотрит на мою ладонь.

— Не советую повторять, Шарлотта.

— А я не советую разговаривать со мной так, будто вы купили право... — толкаю его снова, уже обеими руками, вкладывая в движение всю злость, которую он с таким усердием разжигал.

На этот раз он перехватывает моё запястье прежде, чем я успеваю отдёргнуть руку.

— Немедленно... — задыхаюсь от внезапного осознания, что только что бросилась на герцога с кулаками. — Немедленно отпустите.

Но Эшборн лишь усиливает хватку и дёргает мою руку на себя.

— Вы не имеете никакого права...

Эшборн наклоняется и целует меня.

Его губы накрывают мои прежде, чем я успеваю закончить фразу, и невысказанные слова застревают в горле вместе с воздухом. Я цепенею от возмущения и неожиданности, до боли выпрямив спину, а свободная ладонь упирается ему в грудь.

Я была готова к новой насмешке, к грубости, к чему угодно, что позволило бы продолжать злиться, но его губы тёплые, настойчивые, и удержать в голове хотя бы одну связную мысль оказывается невозможно.

Пальцы на моём запястье разжимаются. Я могу отстраниться, между нами больше нет ничего, кроме моей ладони на его груди, но Эшборн чуть отстраняется касается меня губами снова — мягче, тягучее, заставляя замереть в ожидании следующего прикосновения.

Тепло поднимается от груди к шее, заливая щеки, отдаётся в кончиках пальцев. Я больше не слышу звуков сада и не помню, зачем вообще сюда пришла; всё внимание стягивается к его губам, к шероховатости щетины, к ладони, которая ложится мне на талию. Он притягивает меня ближе, и я подаюсь прежде, чем успеваю решить, хочу ли этого.

От этой мысли следовало бы отрезветь, но я только прикрываю глаза. Губы сами отвечают на его движение — неуверенно, почти вопросительно, — и пальцы Эшборна ощутимо сжимаются у меня на талии. На короткое мгновение его неторопливость исчезает: поцелуй становится глубже, дыхание герцога опалает кожу на моих щеках.

И вдруг он отпускает меня.

Отступает так резко, что я едва не оседаю на ослабевших коленях. Воздух касается разгорячённой кожи, и несколько унижительных секунд я не могу сообразить, почему между нами снова столько места.

Эшборн тяжело дышит. Челюсть напряжена, губы сжаты в строгую линию, а в глазах полыхает такая злость, что я невольно пачусь. От его прежней ленивой насмешливости не остаётся ничего; сейчас он выглядит человеком, у которого окончательно кончилось терпение.

— Уходите, Шарлотта. Сейчас же.

Слова обжигают пощёчиной.

— Не смейте со мной так разговаривать.

— Тогда не заставляйте меня повторять! Уходите! Сейчас же!

Он отворачивается к столу, упирается ладонями в столешницу и опускает голову. Его грудная клетка ходит ходуном.

Наклоняюсь за сумочкой и с первого раза не попадаю пальцами в ремешок. От злости на эту дрожь, на него, на собственные губы, которые всё ещё помнят его прикосновение, к глазам подступают слёзы. Резко выпрямляюсь и перекидываю ремешок через плечо.

— Всего доброго, герцог. Надеюсь, мы больше не увидимся.

Ретируюсь с поля боя. И вынуждена признать, что эту битву я, совершенно очевидно, позорно проиграла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.